

Глава 22. Возмездие и новый путь

Свадьба в доме Лу почти три месяца была главной темой для пересудов. Казалось, страсти начали утихать вместе с летним зноем, но не тут-то было — семья Лу снова оказалась в центре скандала!

Все это время Лу Фэнтан и Цэнь Юн жили, что называется, душа в душу, но лишь на первый взгляд. Цэнь Юн лез из кожи вон, стараясь угодить жене, однако та оставалась к нему холодна. Эта отчужденность снесла его, и он, ослепленный желанием растопить лед в сердце Фэнтан, совершенно забыл о прочих делах. Разумеется, из его памяти напрочь выветрилась и Вдова Хуа.

Зато сама Вдова Хуа последние три месяца места себе не находила от злобы и зависти. С тех пор как Мать Цэня принесла ей те жалкие два ляна серебра, ни сам любовник, ни его родительница на пороге не появлялись. До Вдовы Хуа долетали лишь слухи: какой пышной была свадьба, как ослепительно хороша молодая жена Лу, а главное — что она не просто богата, но и чистая девица!

Слушая это, Вдова Хуа закипала. «Подумаешь, велика важность, — убеждала она себя, — мужик он и есть мужик!» Вскоре она сошлась с заезжим коробейником. Но вот незадача: в положенный срок женское недомогание не наступило, и она поняла, что понесла. Коробейник, стоило ей заикнуться о ребенке, на словах обещал золотые горы, а на следующее утро и след его простыл. Поняв, что ее бросили, Вдова Хуа испугалась. Родить бастарда в одиночку — значит стать посмешищем и утонуть в пересудах. Избавиться от плода тайно она тоже боялась. В конце концов, отчаяние толкнуло ее на дерзкий шаг: она явилась в дом Лу.

Узнав о случившемся, старейшины рода Лу немедленно открыли двери родового поместья и потребовали объяснений от семьи Лу Цзяньчуня.

Лу Фэнтан в те дни чувствовала себя неважно. Вместе со старшей тетушкой она только что побывала у лекаря и возвращалась домой, когда их перехватили прямо на дороге. Посланец, юноша из младшего поколения семьи, почтительно назвал ее «тетей» и вкратце обрисовал ситуацию. Фэнтан мгновенно все поняла и красноречиво взглянула на тетушку.

— Как вовремя все это случилось, — проронила она.

— Что ж, — тетушка холодно усмехнулась, — какова бы ни была правда, этому парню не видать счастья.

Тетушка вспомнила недавние слова лекаря, и на её губах снова заиграла холодная усмешка. Она не позволит какому-то выскочке обижать их девочку!

Цэнь Юн еще не вошел в главный зал, а уже услышал надрывные рыдания Вдовы Хуа. Сердце его предательски екнуло — как же он мог так забыть и оставить эту женщину без присмотра!

Переступив порог, он увидел Вдову Хуа, которая заливалась горячими слезами, размазывая их по лицу. Рядом, сгорая от стыда, стояла Мать Цэня.

— Господа, вы люди уважаемые, внимлите моей беде! — голосила вдова. — Нет мне больше жизни! Цэнь Юн обесчестил меня, и я не прошу многого — лишь признания моего места в доме!

— Места? — пятый старейшина, самый почтенный из присутствующих, звонко стукнул трубкой по столу. — Цэнь Юн — зять, вошедший в семью Лу. О каком месте для тебя ты смеешь заикаться?

Он взглянул на Цэнь Юна так, словно хотел пронзить его насквозь.

Вдова Хуа, поняв, что слезы не действуют, внезапно перестала плакать. Она выпятила живот и хлопнула по нему ладонью.

— А так — дадите! Во мне его кровь! Либо вводите меня в дом, либо выкупайте ребенка. Иначе я прямо здесь, на пороге вашего дома, голову себе разобью!

Она рванулась было к стене, но Мать Цэня, перепугавшись до смерти, вцепилась в нее мертвой хваткой. Еще бы, ведь в этом чреве, как она верила, теплилась жизнь ее будущего внука!

— Па! — Лу Цзяньянь в ярости ударил по столу. — И не смейте ее держать! Пусть бьется! Думаешь, меня этим напугаешь? Я полжизни людей убивал, и смертью меня не проймешь! Бейся, ну же! А как дух испустишь, я лично позабочусь, чтобы об этом деле раструбили на каждом углу. Пусть все знают, что ты от стыда за свой блуд руки на себя наложила. Ну, чего стоишь?

От его ауры, пропитанной жадной крови, у вдовы подкосились ноги. Она бессильно осела на пол и снова завывала.

Цэнь Юн стоял как громом пораженный. Ребенок? У него будет ребенок?

— Цэнь Юн, что скажешь? — холодно спросил пятый старейшина.

— Я... — он не находил слов.

— Конечно, рожать! — вскричала его мать. — Это же наша кровь, мой старший внук!

Она смотрела на сына с мольбой и угрозой, боясь, что семья Лу погубит ее долгожданное сокровище.

Пятый старейшина покосился на Лу Фэнтан. Та стояла, опустив глаза, и хранила молчание. Сидевшие рядом тетушки и невестки принялись перешептываться:

— Цэнь Юн ведь три месяца безвылазно в городе сидит?

— Истинная правда.

— А живот-то у нее на четыре месяца никак не тянет.

— Какие там четыре... Дай бог, если три наберется, — припечатала старшая тетушка. Уж она-то, родившая пятерых сыновей и понянчившая одиннадцать внуков, видела обман за версту.

Лу Фэнтан слышала их слова, и она презрительно усмехнулась. Цэнь Юн, не замечая опасности, тихо обратился к жене:

— Фэнтан, может... пусть она родит? Мы заберем дитя и вырастим его сами, а?

Она вскинула на него ледяной взгляд.

— Нет никакого «может». Это не кровь семьи Лу, с какой стати нам кормить чужого выродка?

— Она развернулась к старейшинам и низко поклонилась. — Пятый старейшина, вы были свидетелем нашего брака. Цэнь Юн предал меня. Я требую развода.

Цэнь Юн ахнул, не веря своим ушам.

— Фэнтан!

— Выбирай, — отрезала она. — Либо ты остаешься моим мужем и зятем семьи Лу, либо уходишь к ней и ее ребенку.

Цэнь Юн заколебался, но тут подала голос его мать:

— Конечно, внук! — Она вцепилась в сына. — Только попробуй отказаться, и я тут же умру на твоих глазах! Плевать на Лу, внук — это всё!

— Но разве мы не можем... жить все вместе? — промямлил Цэнь Юн, и этот ответ стал окончательным выбором.

Лу Фэнтан лишь усмехнулась. Спустя три месяца после свадьбы Цэнь Юн получил разводную грамоту и был с позором изгнан из дома Лу.

У ворот Цэнь Юн поддерживал мать, за ними понуро плелась Цуй-эр. На душе у него было скверно, но он не понимал почему. Его мать, напротив, уже вовсю обсуждала с Вдовой Хуа будущее.

— Стоять, — раздался голос старшей тетушки. Женщины семьи Лу вышли на крыльцо.

— Что еще? — недовольно огрызнулась Мать Цэня.

— Верните свадебные дары нашей семьи. Вот ваше ответное приданое, — тетушка указала на сундуки, которые вынесли слуги. — И еще... — она смерила взглядом живот Цуй-эр. — Мы тут все матери и бабушки. Живот на четвертом месяце выглядит иначе. Сходите-ка к лекарю, горюродители. Твоему ребенку нет и восьми недель. Какая уж тут «ваша кровь»?

Тяжелые двери с грохотом захлопнулись.

Цэнь Юн замер, как вкопанный, глядя на живот любовницы. Цуй-эр сжалась от страха. Мать Цэня, не веря словам тетушки, потащила ее в лечебницу. Приговор врача был краток: едва два месяца беременности!

В тот вечер Цэнь Юн чуть не задушил Цуй-эр в ярости. Его мать, не выдержав удара, слегла с горячкой и через несколько дней скончалась. Вдова Хуа сбежала, воспользовавшись неразберихой в доме.

Цэнь Юн стал посмешищем для всего города. Дом его окончательно обеднел, а брат, Цэнь Даюн, узнав, что мать умерла из-за позора младшего, избил его до полусмерти и навсегда отрекся от родства.

***

Пока Цэнь Юн тонул в невзгодах, жизнь Лу Фэнтан расцветала. Она не только была в тягости, но и встретила человека, ставшего ее истинной опорой.

В годовщину смерти брата она отправилась с родителями на гору для поминовения. Лу Цзяньчунь поначалу не хотел брать ее с собой, опасаясь за здоровье дочери, но Фэнтан настояла на своем. В сопровождении слуг и под неусыпным надзором родителей они благополучно добрались до места.

У могилы они обнаружили человека, пришедшего раньше. Это был старый учитель ее брата. Лу Цзяньчунь был тронут до слез тем, что наставник все еще помнит его сына. Заметив рядом с учителем молодого человека, он поинтересовался:

— Это ваш ученик?

— Да, — кивнул старик. — В некотором роде, младший товарищ Люфэна. Шаоянь, поприветствуй старших.

Молодой человек в скромных одеждах шагнул вперед.

— Ученик Мэн Шаоянь приветствует чету Лу.

Когда же он повернулся к Лу Фэнтан, чтобы выразить почтение, то замер на полуслове.

— Это вы!

Фэнтан тоже была поражена.

— Надо же, какая встреча!

— Дочка, вы знакомы с господином Мэном? — удивленно спросила госпожа Лу.

— Матушка, помните, в прошлом году я подвернула ногу на этой горе?

— Конечно! Ты еще говорила, что какой-то прохожий донес тебя до подножия и вызвал экипаж. Неужели это был господин Мэн?

— Именно он, — кивнула Фэнтан, внезапно залившись краской при воспоминании о том, как доверилась незнакомцу.

— В тот день я навещал могилу брата Люфэна по поручению учителя, — почтительно поклонился Мэн Шаоянь. — Прошу прощения за тогдашнюю вольность.

— Ну что вы, это мы должны благодарить вас за спасение нашей девочки! — госпожа Лу ласково похлопала дочь по руке. — А ты вечно не слушаешь, ходишь одна. Не встреть ты тогда господина Мэна, волки бы тебя съели!

Фэнтан лишь шутливо надулась, бросив на Мэн Шаояня мимолетный взгляд.

Мэн Шаоянь в юности много странствовал, не имея семьи и привязанностей. В город Миншань он вернулся, решив остепениться и быть ближе к наставнику. Образ Лу Фэнтан еще год назад запал ему в душу. Узнав о ее неудачном замужестве, он не испытал ничего, кроме досады на самого себя — почему не проявил больше участия тогда, на горе?

Спустя месяц знакомства с семьей Лу он сделал предложение. Лу Цзяньчунь был в замешательстве.

— Господин Мэн, не скрою от вас: после развода моя дочь ждет ребенка. К тому же, мы не отдадим ее в чужой дом — мужу придется войти в нашу семью. Стоит ли вам губить свою жизнь? Вы человек достойный, найдете себе девицу без прошлого. Зачем вам становиться зятем-примаком да чужим отцом?

Мэн Шаоянь, услышав это, лишь просиял.

— Ребенок? Это же чудесно! Послушайте, дядя Лу. Моя семья погибла в бедствии, сам я едва спасся, но получил тяжелые травмы. Позже лекари сказали, что у меня вряд ли когда-нибудь будут свои дети. Так что этот ребенок для меня — дар небес. Я буду любить его как собственного! А то, что я примак... Так у меня ни кола, ни двора, это я у вас в долгу останусь! Давайте закрепим всё на бумаге, чтобы никто потом не смел порочить имя семьи Лу.

Лу Цзяньчунь еще сомневался, но тайный осмотр у семейного лекаря подтвердил: Мэн Шаоянь был здоров как мужчина, но действительно не мог иметь детей. Получив согласие дочери, которая этот месяц внимательно наблюдала за Мэном (да и вещей сон из прошлой жизни не давал покоя), отец благословил их.

Свадьбу сыграли быстро, пока положение Фэнтан не стало явным. Это торжество было не чета прежнему: супруги светились счастьем, и казалось, будто они знают друг друга вечность.

В положенный срок Лу Фэнтан родила сына. Радости в доме не было предела. Госпожа Лу, глядя на внука, плакала — малыш был точной копией ее покойного сына.

Мэн Шаоянь дал мальчику домашнее имя Шаньху — Горный Тигр, в надежде, что тот вырастет сильным. Что же до официального имени, то госпожа Лу специально отправилась к Божественному прорицателю. Но Лун Юй и его спутники уже покинули город, оставив лишь листок с одним-единственным иероглифом: «Хуай».

Она не поняла значения и принесла листок дочери. Лу Фэнтан, увидев иероглиф, рассмеялась. Провидец читал ее мысли насквозь.

Накануне она гадала: можно ли ребенку когда-нибудь признать биологического отца? Иероглиф «Чжунь» с добавленной чертой превращался в «Хуай».

Один лишний штрих означал — запрещено!

— Пусть его зовут Лу Чэнхуай, — улыбнулась она. Теперь этот штрих был ей особенно дорог.

— Красивое имя, — согласился Мэн Шаоянь.

В этой жизни — никогда не признавать родства с предателем.

***

Лун Юй, лениво зевнув, позволил Я И перенести себя в Подземный мир. Он даже не оглянулся на шумный смертный мир. Решительность и твердость той женщины вызвали у него мимолетное одобрение.

В прошлой жизни кто-то задолжал ей жизнь, кто-то — любовь. Теперь долги возвращены. А то, что она задолжала сама, будет выплачено годами преданности в новом браке — это честная сделка.

Он, Супруг Подземного мира, меньше всего ценил тех, кто не помнит обид и благодеяний, и уважал тех, кто платит по счетам сполна. Ведь круговорот Небесного Дао — это не всепрощение, а торжество причин и следствий. В этом и кроется истина.

Впрочем, он, будучи существом весьма своенравным, об истине предпочитал не задумываться. Лун Юй посильнее прижался к Я И: сейчас в целом мире не было ничего важнее его «сна красоты».

Я И с нежностью смотрел на своего Циньциня. В целом мире для него не было ничего важнее этого капризного и прекрасного создания.

А всё прочее — гори оно огнем!

«Врата», ведущие в Подземный мир, снова закрылись.

<http://bllate.org/book/17558/1712905>